

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н. Белянин

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ХУТОРСКИХ И ОТРУБНЫХ ХОЗЯЙСТВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.

На рубеже XIX – XX вв. многие государственные деятели пришли к пониманию необходимости смены аграрного курса. Это понимание сопровождалось отказом от доминировавших среди высших чиновников стереотипов в сфере аграрной политики. Так, во второй половине XIX в. правительство проводило политику патернализма в отношении крестьянской общины, поскольку считалось, что община препятствует процессу обнищания крестьянства. Существовало расхожее мнение, что русская передельная община не позволяет крестьянам полностью разориться, так как в процессе регулярных переделов сельскохозяйственных угодий каждый домохозяин получает земельный надел соответственно принципу справедливости. Известный историк-аграрник В. Г. Тюкавкин со ссылкой на архивные материалы привел несколько примеров, когда представители администрации вмешивались в вопросы крестьянского землепользования с требованием провести переделы земельных угодий внутри общины. Например, в Иркутской губернии почти все переделы начались после опубликования соответствующего распоряжения генерал-губернатора действий крестьянских начальников. В Забайкальской области переделы были введены по приказу военного губернатора области [1, с.96-97].

К началу XX в. взгляды многих государственных деятелей на эту проблему стали меняться. Так, С. Ю. Витте предложил изменить отношение к общине. Он считал, что отдельных крестьян нельзя удерживать насильственно в условиях общинного землепользования. Им необходимо вернуть право свободного выхода со своим наделом на основе подворного пользования [2, с.88]. Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов считал, что необходимо осуществить переход к хуторскому хозяйству на основе частной собственности на землю [3]. Большинство предложенных мер легли в основу столыпинской аграрной реформы. В итоге государство от политики опеки крестьянской общины перешло к поощрению единоличных хозяйств – хуторов и отрубов на основе частной крестьянской собственности на землю. В Западной Сибири эта политика имела ряд региональных особенностей.

Первая особенность процесса формирования хуторов и отрубов в Западной Сибири состоит в том, что крестьянство само проявило инициативу в этом вопросе. В различных региональных архивохранилищах Западной Сибири имеется немало прошений от отдельных крестьян [4], приговоров

сельских сходов старожилов, переселенцев и даже инородцев о размежевании подворно, на хутора или отруба [5]. Эти примеры подтверждают, что именно крестьянство, а не государство в деле разверстания общин проявляло инициативу. По данным И. А. Асалханова, спрос на внутринадельное размежевание был велик и со стороны переселенцев, и со стороны старожилов. К 1906 г. в Томском переселенческом районе было до 100 ходатайств от крестьян о размежевании, а некоторые общины с помощью частных землемеров провели размежевание за свой счет. В 1898-1902 гг. в нескольких поселках Тарского уезда Тобольской губернии крестьяне также за свой счет провели разверстание общих наделов на хутора. Только в ответ на очевидное стремление сибирского крестьянства к разделу общинных земель государство перешло к оказанию практической помощи населению в этом вопросе. В конце 1906 г. в Томской губернии было создано совещание, чтобы выяснить возможности оказания переселенцам межевой помощи. Совещание рекомендовало привлекать частных землемеров, оплачивая их труд за счет населения. Если у новоселов не окажется достаточных средств, то предполагалось выделять им ссуду по правилам 15 июня 1902 г. В дальнейшем выдача ссуд на внутринадельное размежевание регулировалась циркулярами от 31 марта 1908 г. и 16 марта 1909 г. Согласно последнему из них ссуды выдавались с рассрочкой платежа на 10 лет [6, с.81-83, 91].

Между тем, несмотря на циркуляры, наблюдалась острая нехватка кредитов на внутринадельное размежевание в Западной Сибири. Так, в 1909 г. поступило ходатайств от крестьян о ссудах на размежевание в размере 105 000 рублей, а в действительности выделено было 75 000, в 1910 г. – на 121 000 рублей, а выделено лишь 75 000 [7]. Таким образом, разница между необходимыми кредитами на удовлетворение потребностей крестьян в вопросе внутринадельного размежевания и фактическим выделением средств составила только в 1909-1910 гг. 76 000 рублей.

Именно вследствие этого крестьяне многих селений сами за свой счет, минуя официальные структуры, стали проводить размежевание общинных наделов подворно, на хутора или отруба. Так, командированный в 1911 г. в Сибирь специалист по землеустройству А. А. Кофод в отчете отметил, что крестьяне Томской губернии в конце XIX в. сами начали кое-где разбивать свои наделы на участки единоличного пользования [8]. По не-

полным сведениям, предоставленным томскому губернатору крестьянскими начальниками, к 1 января 1911 г. только старожилами в Томской губернии было проведено размежевание в 225 селениях на площади в 1 638 493 десятины. При этом старожилы сначала не получали от государства вообще никакой помощи. Ссудная помощь старожилам стала оказываться в Томской губернии только с 1910 г., когда государство ассигновало на размежевание старожильческих общин 60 000 рублей [9, с.52]. До этого старожилы проводили размежевание целиком за свой счет, а государство в этом процессе никакого участия не принимало. Поэтому полных и достоверных данных о размерах разверстания старожильческих общин в Западной Сибири не имеется.

На практике получилось, что роль государства в процессе внутринадельного размежевания в Западной Сибири по сравнению с европейской Россией была небольшой: правительственные структуры оставили за собой функции выдачи кредитов и контроля за качеством работы частных землемеров. По данным Л. Ф. Склярова, некоторые чиновники поднимали вопрос о том, чтобы в Сибири государство ускорило размежевание и захватило этот процесс в свои руки [10, с.31], но правительство от подобной идеи отказалось. Весьма рельефно отношение государства к внутринадельному размежеванию выразил Г. Ф. Чиркин (впоследствии один крупных чиновников Переселенческого управления). В 1908 г. он писал: «Внутринадельное размежевание... соответствует, главным образом, частным интересам каждого двора. Поэтому внутринадельное размежевание должно вестись за счет самих переселенцев, а со стороны правительства должно быть оказано содействие в виде ссуд на межевание, в организации межевого надзора и руководстве действиями частных землемеров, нанимаемых обществами, а также посредничестве между ними» [11, с.260].

В числе особенностей процесса внутринадельного размежевания можно отметить также факты, когда чиновники отказывали крестьянам в образовании хуторских хозяйств. Такие отказы касались в основном отдельных крестьян или групп крестьян. Например, мещанин С. Шалыгин в 1913 г. ходатайствовал о создании хуторского хозяйства на основе имевшегося у него арендного хозяйства, причем все технические расходы он брал на себя. Это ходатайство было отклонено [12]. Было отклонено ходатайство мещанина Г. Пичугина об устройстве его на хуторском участке Тоя-Баксинской дачи Елагинского лесничества поскольку «не было оснований» для устройства «на месте, никогда не бывшем в его пользовании» [13]. Были отклонены прошения 4 домохозяев д. Кузнецовой (Каминская волость, Каинский уезд) об отводе им хутора «по отсутствию к тому законных оснований» [14]. В ответ на просьбу нескольких арендаторов об образовании на основе

арендуемых хозяйств Алтайской казенной дачи хуторов лесной ревизор 5-го района в служебной записке от 13 июля 1913 г. категорично заявил: «я считаю невозможным поднимать даже вопрос об отдаче названной статьи в хуторское пользование» [15]. Можно привести достаточно интересный пример, когда возглавлявший Алтайский округ В. Михайлов в циркуляре от 12 июня 1910 г. предложил управляющим имениями принять меры к прекращению аренды, связанной с возведением жилых построек в ценных лесах и борах. Все заимки и хутора, «имеющие прочную оседлость в ценных лесных дачах, безусловно, нежелательны и аренда их должна быть прекращена» [16]. Эти примеры показывают, что правительственная политика в Западной Сибири не преследовала цели быстрого создания как можно большего числа хуторов и отрубов.

Другой особенностью следует считать то, что правительство П. А. Столыпина отказавшись от опеки общины европейской России в 1906 г., одновременно не произвело аналогичного пересмотра в отношении сибирской общины. Характер землеотводных работ на первом этапе переселенческой политики (1906-1909 гг.) свидетельствует, что государство не ставило в число приоритетных задач развитие в Сибири единоличных форм крестьянских хозяйств. Это видно из данных по заготовке колонизационного фонда, когда в условиях массового притока переселенцев в Западную Сибирь в 1906-1909 гг. землеотводные партии отводили в основном участки поселенного пользования. Например, в 1908 г. в Томской и Тобольской губерниях для переселенцев было отведено 557 участков общего пользования на 104 381 душевую долю и лишь 85 хуторов на 396 долей [17, с.5-7]. В 1907 г. в качестве эксперимента в Томском уезде Алтайского округа было образовано 120 хуторов на площади в 10 406,3 десятин удобной и 1 413,4 неудобной земли [18, с.121]. По данным Г. П. Жидкова, в 1907-1909 гг. на Алтае Переселенческим управлением было выделено 983 общинных участка и лишь 243 хуторских [19, с.198].

В дальнейшем характер землеотводных работ стал меняться. 9 февраля 1909 г. глава ГУЗиЗ направил всем заведующим переселенческим делом в губерниях и областях азиатской России циркуляр, где предлагал обратить особое внимание на образование возможно большего числа хуторских участков. Хутор не должен был превышать 60 десятин земли [20, с.209-210; с.671]. В результате в 1912 г. из 1 628 789 десятин, запроектированных в колонизационный фонд около 40% (585 429 десятин) было отведено в виде хуторов и отрубов. Кроме того, на хутора и отруба было разбито 180 130 десятин старого незаселенного фонда [21, с.94-95]. В 1913 г. из 1 107 476 десятин колонизационного фонда на долю единоличных хозяйств приходилось 422 778 десятин, а также 78 916 десятин из числа разбитых на хутора и отруба неза-

селенных участков прежних лет [22, с.148].

Показательным, на наш взгляд, является эволюция отношения государства к сибирским заимкам. Многие заимки изначально представляли собой обособленные хозяйства, мало отличавшиеся от хуторов. Например, на постоянной заимке крестьянин И. Соколова имелись все виды угодий, а земледелие на заимке было обособленным [23]. На заимке Бийского мещанина Г. Казанцева имелось полное домообзаводство – жилой дом, изба, пригоны, пасека в 160 ульев и баня. Кроме того, при заимке была охраняемая роща, обнесенный поскотиной выгон и здесь же находилось землепользование – 8 десятин пашни, 20 десятин покоса и столько же выгона. Весь надел составлял 76 десятин с неразработанной площадью удобной земли, сосредоточенной в одном отрубе [24]. Такие заимки в 1906-1909 гг. часто включались в состав переселенческих участков общего пользования. Например, на Иноземцевском участке в 1906 г. проживало несколько заимочников [25]. По данным М. Т. Когут, имело место широкое размежевание заимок в колонизационный фонд [26, с.98-99]. На втором этапе переселенческой политики в 1910-1914 гг. государство пришло к переоценке отношения к сибирским заимкам. По данным И.В. Островского, заимки стали рассматриваться как очаги культурного хозяйства, которое должно всецело поощряться [27, с.73].

Еще одной особенностью следует считать то, что выделение из общины отдельных хуторов в Западной Сибири не сопровождалось переходом этих земель в частную собственность. Эта особенность была связана с тем, что на сибирские губернии не распространялись основные указы, связанные с формированием единоличных крестьянских хозяйств в Европейской России. Такая двойственность с точки зрения логики трудно объяснима. Подобный дуализм аграрной политики не всегда был понятен и крестьянам. Так, крестьянин с. Агаракского (Тобольская губерния) З. Семенов просил во время землеустройства выделить ему отрубной участок. Крестьянский начальник 1 участка Ялуторовской волости ответил отказом, поскольку отрубные участки и выход из общины в Сибири невозможны и такое существует «лишь в пределах Европейской России» [28]. Нелогичность этой ситуации усугублялась тем, что крестьяне соседней Пермской губернии имели уже иные права. Например, крестьянин Я. Вахрушев в деревне Теплоуховой (Шадринский уезд) на основании закона 1910 г. получил в собственность причитающуюся ему землю и соответствующее укрепительное постановление [29].

Нелогичность аграрной политики в Сибири вскоре стала очевидна и правительству. Уже в мае 1908 г. П. А. Столыпин в письме главе ГУЗиЗ князю Б. А. Васильчикову отметил двойственность и несогласованность аграрной политики по разные стороны Урала. Эта несогласованность подрывает

значение предпринимаемых правительством землеустроительных мероприятий, а потому необходимо пересмотреть характер землеустроительной политики в Сибири и отводить земли не в пользование, а в собственность [30, с.61]. В 1910 г. в письме Е. Е. Извекову П. А. Столыпин также отметил, что опыт европейской России доказал вред общинного землевладения, поэтому на обязанности государства лежит долг всемерно содействовать переходу переселенцев и старожилов к личному владению (хуторам и отрубам), минуя общинно-передельную стадию. В том же году в письме Николаю II П. А. Столыпин писал, что существующая правительственная политика в Сибири может привести к осложнениям в будущем: «...искусственно насаждаем общину в стране, которая привыкла к личной собственности в виде заимок; не подумали еще о частной земельной собственности там, где переселенец без заработков гибнет» [31, с.61-62, 374-375].

В итоге правительство произвело существенную корректировку аграрного курса в Сибири. ГУЗиЗ разработало проект «Положения о земельном устройстве крестьян и инородцев Сибирских губерний и областей». Проект был представлен на рассмотрение П. А. Столыпина в июне 1909 г. [32, с.341]. «Положение» предусматривало немедленное укрепление в собственность усадебных и отрубных участков, а также землю, занятую под техническими культурами и капиталистическими предприятиями. Сверх того, за этими домохозяевами сохранялось право получения в собственность уже при землеустройстве положенной доли общинной земли. На Сибирь распространялись все столыпинские законы о выходе из общины. Кроме того, 10 марта 1911 г. правительство утвердило положение об отводе переселенцам отрубных и хуторских участков в собственность [33, с.50-51]. П. А. Столыпин отметил, что после утверждения законопроекта появится возможность применить в Сибири правила укрепления за отдельными крестьянами их участков, что в европейской России предусмотрено указом 9 ноября 1906 г., и законом 14 июня 1910 г. [34, с.59]. В дальнейшем проект закона о частной крестьянской собственности на землю обсуждался в III и IV Думах, но до 1917 г. так и не был утвержден.

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить несколько особенностей в политике образования единоличных хозяйств в Западной Сибири:

1. Инициатива в вопросе внутринадельного размежевания принадлежала сибирскому крестьянству, а не государству. Этот процесс начался в Сибири без участия правительства. И только впоследствии государственные структуры стали оказывать крестьянам поддержку в этом вопросе. Правительственная политика была ответом на потребности крестьян в процессе разверстания общин на единоличные хозяйства. Причем в этом вопросе реальные потребности крестьян в креди-

тах и специалистах удовлетворялись государством в недостаточной степени.

2. Правительство П. А. Столыпина не сразу перешло к поддержке единоличных хозяйств (хуторов и отрубов) в Сибири. В 1906-1908 гг. в колонизационном фонде преобладали большие участки общего пользования. Хутора создавались только в виде эксперимента и исключения. Даже существовавшие уже обособленные заимки часто включались в состав переселенческих участков. Только в 1909-1910 гг. государство пересмотрело свое отношение к характеру землеотводных работ,

когда стали выделяться кредиты на образование единоличных переселенческих хозяйств, а заимки стали восприниматься как единоличные хозяйства, которые следует поощрять.

3. В отличие от европейской России, в Сибири не существовало закона о передаче единоличных хозяйств в собственность. Такой закон начал разрабатываться только когда руководство страны осознало его важность, значимость и необходимость для сибирского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск, 1966. – 472 с.
2. Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1904. – 106 с.
3. См.: Седых Г., Сергиенко В., Тивяков С. Земля Кузнецкая – история Сибири. – Кемерово, 1997. – 184 с.
4. См: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.240. Оп.1. Д.50. Лл.8, 9-об, 10-об, 28,110,119-120, 145, 172, 235-235об, 283-283-об, 288; Д.919. Лл. 183, 186, 194; Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.47. Оп.1. Д.7. Л.15; Д.10. Л.181; Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГУТО ГАТО). Ф.и-49. Оп.1. Д.575. Лл.29-29-об; там же. Д.858. Лл.2-3; там же. Д.860. Л.3; Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.д-62. Оп.1. Д.9. Л.33.
5. См: ГАОО. Ф.47. Оп.1. Д.47. Л.36; Ф.183. Оп.1. Д.249. Лл.5-5-об; Оп.5 Д.1. Л13; см. также: Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф.Д-137. Оп.1. Д.3. Л.2; Ф.Д-67. Оп.1. Д.13. Л.71; Д.17. Л.61; Ф.Д-67. Оп. Д.11. Л.26; Д.13. Л.71; Д.17. Л.61; ГУТО ГАТО. Ф.и-49. Оп.1. Д.26. Лл.10, 20.
6. Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири кон. XIX – нач. XX вв. – Новосибирск, 1975. – 265 с.
7. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.57. Лл.56-56-об.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.391. Оп.5. Д.882. Л.138.
9. Обзор Томской губернии за 1910 г. – СПб., 1911. – 55 с.
10. Скляр Л. Ф. Столыпинское землеустройство в Сибири // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. – М., 1958. – № 4. – С.24-37.
11. Чиркин Г. Ф. Земельные нужды переселенцев и меры их удовлетворения // Вопросы колонизации. – 1908. – № 2. – С. 239-261.
12. ГАТО. Ф.240. Оп.1. Д.919. Лл.12, 15, 26-об.
13. ГАТО. Ф.240. Оп.1. Д.919. Лл.54-54-об; там же. Д.173. Л.3.
14. ГАТО. Ф.240. Оп.1. Д.50. Л.302; см. также: ГАТО. Ф.240. Оп.1. Д.919. Л.438-об; ГАОО. Ф.47. Оп.1. Д.7. Лл.68-68-об; ГАКО Ф.д-9. Оп.1 Д.15. Лл.89-90, 98, там же. Д.20. Л.83; ЦХАФ АК. Ф.д-194. Оп.1. Д.147. Лл.1, 10.
15. ГАТО. Ф.240. Оп.1. Д.919. Лл.198-198-об.
16. ГАТО Ф.244. Оп.1. Д.12. Лл.213-213-об.
17. Отчет о работах по образованию переселенческих участков в Азиатской России в 1908 г. – СПб., 1909. – 27 с.
18. Синельников Н. Хуторские отрубы, образованные в 1907 году в Томском уезде, на землях Алтайского Округа Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА // Вопросы колонизации. – 1908. – № 3. – С. 121-135.
19. Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). – Новосибирск, 1973. – 264 с.
20. Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. Сборник документов и материалов. – М., 1973. – 335 с.; Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах. – Изд. 9. СПб., 1914. – 1118 с.
21. Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. – СПб., 1913. – 331 с.
22. Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. – Пг., 1914. – 211 с.
23. ГАКО. Ф.д-9. Оп.1. Д.15. Л.98.
24. ЦХАФ АК. Ф.Д-65. Оп.1. Д.227. Л.49.
25. РГИА. Ф.391. Оп.3. Д.46. Лл.3-3-об.
26. Козут М. Т. Переселенческое движение и поземельное устройство сибирских крестьян в годы столыпинской аграрной политики // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск, 1991. – С.90-103.

27. *Островский И. В.* Аграрная политика в Сибири периода империализма. – Новосибирск, 1991. – 311 с.
28. ГУТО ГАТО Ф.и-48. Оп.1. Д.794. Лл.1-2.
29. ГУТО ГАТО Ф.и-48. Оп.1. Д.1194-б. Лл.14-14-об.
30. Цит. по: *Тюкавкин В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск, 1966. – 472 с.
31. *Столыпин П. А.* Переписка. – М., 2004. – 704 с.
32. *Скляр Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – 588 с.
33. *Козут М. Т.* К вопросу о характере столыпинской аграрной политике царизма в Сибири // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начала XX в. – Иркутск, 1984. – С.48-57.
34. *Столыпин П. А., Кривошеин А. В.* Поездка в Сибирь и Поволжье. – СПб., 1911. – 170 с.

□ Автор статьи:

Белянин
Дмитрий Николаевич
– канд. ист. наук, доц. каф. отечественной истории, теории и истории культуры КузГТУ.
Тел. 3842- 35-32-81